

Т.С. Шевчук

КУМИР НА БРОНЗОВОМ КОНЕ В ВОСПРИЯТИИ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

Рецензия: Перзеке А. Б. Поэма «Медный всадник» в русской литературе XIX и XX века: функции национального мифа в постреволюционную эпоху (1917 - 1930-е годы): Монография. - Кировоград: «Мавик», 2011. – 460 с.

«Петербургская повесть» А. С. Пушкина была и остается богатным материалом для активной художественной рецепции многими поколениями поэтов, равно как и предметом разносторонних литературоведческих дискуссий. Вопрос исторической роли Петра I в осмыслении русского гения неоднозначно раскрывался на протяжении уже без малого двухсотлетнего периода: на культурном и экономическом взлете России современники Пушкина восхищались имперскими амбициями царя-реформатора и его величественным образом в поэме «Медный всадник»; писатели «серебряного века» усмотрели в ней мотив возмездия (А. Блок), диалектику ритма (Андрей Белый), прониклись теплыми чувствами к «маленькому человеку» Евгению (О. Мандельштам). Современные поэты также оказались неравнодушны к знаменитой поэме, предлагая новый взгляд на ее суть: историософский (А. Городницкий), лубочный (В. Шефнер), метафизический (Г. Марк), сказочно-легендарный (В. Лелина) и пр.

Автор рецензируемой книги сфокусировал внимание, как нам представляется, на наименее изученном аспекте истории эстетического восприятия «петербургской повести» А. С. Пушкина: ее рецепции поэтами постреволюционной эпохи. А.А. Блок, Е.И. Замятин, М.А. Булгаков, Ю.А. Олеша – таков основной перечень великих художников XX века, ощутивших преемственность катастрофического мироощущения русского культурного сознания, воспринятого через пушкинский текст. «Поэма "Медный всадник", – приходит к выводу автор, – которая воплотила в себе постигнутый Пушкиным трагический узел национальных противоречий и угроз, адресованная им своим современникам, достигла цели иным путем и в иную эпоху, прочно войдя в духовный и литературный обиход потомков и, в конечном итоге, исполнив для России свое высокое предназначение» [1,427].

Не включая весь существующий в науке массив «всадниковедения», А. Б. Перзеке, тем не менее, рассмотрел огромный пласт наиболее концептуальных парадигм научного восприятия «Медного всадника», не забыв посвятить целый раздел (часть I книга) принципам организации и формам поэтики произведения, его мифопоэтическому и историософскому контексту, фиксируя и анализируя текущие наблюдения и обобщения. Автор сложил их в общую картину особых свойств гениальной поэмы, дав объективное представление о реальном масштабе ее концептуально-поэтической инвариантности в русской литературе 1917 – 1930-х годов.

С точки зрения автора монографии, в основу пушкинской поэмы лег Библейский принцип мировидения, позволивший создать произведение, отражающее диалектику созидательно-разрушительного кода петровской цивилизации. Заложенные в ней мотивы властной гордыни, насилия над стихийным началом бытия, господства ложного кумира, вертикального вавилонского вектора города Петра и, как следствие, неизбежности губительного потопа, составляют архетипическую основу сюжета, позволяющую видеть изображаемую конкретику в свете вневременных категорий.

А. Б. Перзеке проследил, в каком ключе философско-эстетические акценты «Медного всадника» были осмыслены в постреволюционную эпоху. Согласно его наблюдениям, А. А. Блок стоял у истоков катастрофического текста русской литературы XX века. Находясь, по собственному признанию, в «вибрациях меди» пушкинского произведения, он перенес их на замысел поэмы «Двенадцать», сделав ее своеобразным продолжением «Медного всадника» в новых исторических условиях. Трудно не согласиться с выводом исследователя о том, что пушкинская триада «стихия – власть (статуя) – человек» получила известные проекции на поэму А. А. Блока, в которой не менее выразительно продемонстрировано тождество природной и революционной стихии.

Аллюзии из «Медного всадника» прочитываются в романе «Мы» Е. И. Замятина, подхватившего традиции катастрофического художественного сознания русской литературы. По мнению автора рецензируемой книги, «присутствие» пушкинского текста в гротескно-фантастической антиутопии реализуется по модели интегральной метафоры, выступающей в роли структурообразующего инварианта имплицитного формата. Петербургские очертания урбанистического пейзажа, «иллюзорное торжество утопической идеи», образ Благодетеля *versus* кумир на бронзовом коне, как и образ «негругубого» R-13 указывают на глубокие текстуальные аналогии двух произведений. Феномен возвращения пушкинского мифа прослеживается и на примере романа Ю. К. Олеси «Зависть» в контексте его генеральной идеи: трагической судьбы человека как заложника государства и системы.

Интертекстуальные связи поэмы А. С. Пушкина и романа М. В. Булгакова «Белая гвардия» А. Б. Перзеке усматривает в функционировании в сюжете архетипических мотивов Дома, Сына, Хаоса, жертвы, раскрывающихся в контексте мистериальной парадигмы исторического как момента вечности. Согласно наблюдениям автора, концепты *город, стихия, народ, власть, герой* составляют общее смыслообразующее поле двух произведений, реализующееся во вневременном интеллектуальном континууме.

В целом, монография А. Б. Перзеке «Поэма "Медный всадник" в русской литературе XIX и XX века: функции национального мифа в постреволюционную эпоху (1917 – 1930-е годы)» насыщена богатым фактическим материалом и содержит глубокие эстетические обобщения. Мы не

сомневаемся, что книгу встретит живой интерес специалистов-филологов, аспирантов, студентов, равно как и читателей широкого круга.

Литература

1. Перзеке А. Б. Поэма «Медный всадник» в русской литературе XIX и XX века: функции национального мифа в постреволюционную эпоху (1917 - 1930-е годы): Монография. - Кировоград: «Мавик», 2011. - 460 с.

Аннотация

Шевчук Т. С. Кумир на бронзовом коне в восприятии пост-революционной эпохи. Анализируется монографическое исследование А.Б.Перзеке о гениальной поэме А.С.Пушкина «Медный всадник», автор которого обращается к объёмному пласту наиболее значимых парадигм и проблем научного осмысления произведения. В монографии продуктивно рассмотрены принципы организации «петербургской повести» и формы поэтики, её мифологический и исторический контекст, дано обоснованное представление о реальном масштабе её концептуально-поэтической инвариантности в русской литературе 1917 - 1930-х годов.

Концепция, историософия, мифопоэтика, инвариантность, рецепция.

Анотація

Шевчук Т. С. Кумир на бронзовому коні у сприйнятті пост-революційної епохи. Аналізується монографічне дослідження А.Б.Перзеке про гениальну поему О.С.Пушкіна «Мідний вершник», автор якого звертається до об'ємного пласту найбільш значущих парадигм та проблем наукового осмислення твору. У монографії продуктивно розглядаються принципи організації «петербурзької повісті», форми її поетики та і мифологічно-історичний контекст, надано обґрунтоване уявлення о реальному масштабі концептуально-поетичної інваріантності повісті в російській літературі 1917-1930-х років.

Концепція, історіософія, міфопоетика, інваріантність, рецепція.

Annotation

Shevchuk T.S. The idol on a bronze horse as viewed through the postrevolution epoch. The monographic research by A.Perzeke which is dedicated to a genius Pushkin's poem «Brazen horseman» is analyzed in the article. The author of the monography focuses on a great number of outstanding literary paradigms and problems of interpretation of the researched poem. The principles of structure of «Petersburg story», and forms of its poetics, as well as the mythological-historical background are analyses. The place of «Brazen horseman» within the conceptual and poetic invariance in Russian literature of 1917 - 1930 years is grounded.

Conceptions, historisophies, myth poetics, invariance, receptions.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором С. А. Тузковым.